УДК 321.011

РЕШЕНИЕ ИЛИ ПРАВО: СУВЕРЕНИТЕТ ПО КАРЛУ ШМИТТУ

Гузикова Мария Олеговна,
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
зав. кафедрой лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках,
доцент кафедры зарубежного
регионоведения,
директор Института Конфуция,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

Аннотация
Настоящая статья анализирует генеалогию концепта «суверенитет» в «Политической теологии» Карла Шмитта в рамках методологии истории идей и выстраивает модель данного концепта в концептуальном поле идеологии децизионизма, используя схему анализа, предложенную М. Фриденом, для изучения политических идеологий.

Ключевые понятия:
суверенитет,
концепт,
Карл Шмитт,
децизионизм,
генеалогия понятия,
концептуализация.

Карл Шмитт (1888–1985) – один из самых влиятельных немецких правоведов, современник XX века. Прожив чуть меньше 100 лет, он оставил значительное, хотя и не бесспорное интеллектуальное наследие. Его философия государства и права, как считают его критики, среди которых В. Беньямин, Х. Арендт, Ж. Деррида, Ю. Хабермас, А Негри и Дж. Агамбен, оказала существенное влияние на формирование идеологии национал-социализма. Шмитт до сих пор остается одним из самых заметных критиков либерально-демократических идей. В условиях непрекращающейся борьбы между сторонниками либеральных и консервативных ценностей, радикализации политического спектра в условиях нарастающего хаоса в социально-политической сфере идеи Шмитта приобретают еще большую актуальность.

Свой первый труд под названием «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы» Шмитт опубликовал в 1910 году; последний прижизненный труд был опубликован в 1970 г. Работа «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете» (впервые опубликовано в 1922 г.) [6] до сих пор остается наиболее востребованной. Текст Шмитта опубликован в разгар идеологических битв Веймарской республики и позволяет еще раз почувствовать справедливость оценки Веймара как «демократии без демократов». «Политическая теология» – это один из слепков истории Германии в XX веке, истории ее идеологий и ее интеллектуалов.

В своем труде Шмитт выстраивает основания идеологии децизионизма [4], центральным концептом которого является государство. Реконструкция концепта «суверенитет» позволяется воспроизвести и всю матрицу концептов идеологии децизионизма. Вслед за политологом Оксфордской школы Майклом Фриденом [3] будем считать, что идеологии представляют собой комплексы или поля концептов, которые используются этой идеологией устойчивым, повторяющимся образом. Внутри таких полей концепты могут вступать в отношения подчинения, быть равноправными или соположенными, при этом все концепты можно разделить на те, что находятся в центре поля, и периферийные концепты. Для реконструкции идеологии необходимо выделить центральные концепты и определить их содержание. Различные идеологии могут включать один и тот же набор концептов, но отличаться их соотношением. При анализе систем концептов удобно опираться на лингвистическую теорию поля [2], выделяя центральные для данной идеологии концепты и периферийные. Таким образом, идеологии различаются: а) конкретным набором концептов, б) весом, который каждый

концепт получает внутри данной идеологической модели.

По словам Шмитта, «о понятии самом по себе не спорят, <...> спорят о конкретном применении» [2, с. 16]. Он указывает на то, что каждая политическая ситуация по-своему наполняет значение и применение того или иного понятия. Выстраивая свою концепцию суверенитета, Шмитт полагает главным ответ на вопрос о принятии решения о чрезвычайном положении или о случае крайней необходимости. Сувереном является тот, кто принимает решение об extremus necessitatis casus [2, с. 22] – вот ключевое положение «Политической теологии», и именно на нем зиждется обоснование идеологии децизионизма (от Dezision – решение). Государственная власть, по Шмитту, персональна, основана на решении конкретной личности и как таковая имеет приоритет перед правом, а точнее, учреждает право, что ведет к появлению правопорядка. «Каждый порядок покоится на некотором решении <...> и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [2, с. 21]. Шмитт возводит свое видение к создателям концепции абсолютного суверенитета – Гоббсу и Бодену. Боден, как указывает Шмитт, понимает суверенитет как «неделимое единство» [2, с. 19] и считает «полномочие прекратить действие закона подлинно отличительным признаком суверенитета» [2, с. 20]. Гоббс, которому Шмитт приписывает «децизионистский характер мышления» [2, с. 72], утверждал: «Autoritas, non veritas facit legem».

Антагонистами Гоббса Шмитт считает Локка и Руссо, создавших концепцию «public sovereignty», в котором носителем суверенитета становится народ и возникает органическое единство народа и государства, легитимирующее суверенитет. Либеральная объективистская традиция Локка и Руссо дает начало идее правового государства, которая, по утверждению Шмитта, старается исключить концепт суверенитета из своего оборота. В правовом государстве, право которого основано на конституции и разделении властей, суверен, по убеждению Шмитта, устраняется от принятия решений о чрезвычайном случае «путем разделения компетенций и взаимного контроля» [2, с. 23]. Эту позицию отстаивают в своих работах германские правоведы Гуго Краббе и Ганс Кельзен, которых Шмитт подвергает резкой критике. Либерально-нормативная концепция государственного устройства отражена также в немецкой конституции 1919 года, «отцом» которой был немецкий юрист и политик Гуго Пройс. Здесь нельзя не отметить, что, критикуя конституционный порядок Веймарской республики, правилами которого чрезвычайное положение могло быть объявлено рейхспрезидентом под контролем рейхстага, Шмитт в момент создания «Политической теологии» в 1922 году не видел возможности узурпации власти, которую давала практика законов о чрезвычайных полномочиях, так называемых «Ermdchtigungsgesetze», которые предусматривали, хотя и в нарушение конституции, возможность расширения полномочий исполнительной власти в ущерб законодательной. Таких законов в период с 1914 г. до печально известного закона 24 марта 1933 года «О преодолении бедственного положения народа и государства», открывшего Гитлеру путь к установлению национал-социалистической диктатуры, было принято не менее девяти.

Краббе и Кельзен видят суверена в праве, а не в государстве. По их мнению, властвуют не личности, а только нормы. Основа правопорядка находится в правовом чувстве граждан. Перед государством стоит теперь только одна задача – образовывать право и поддерживать порядок, а высшим интересом становится, таким образом, правовой интерес. Теориям Краббе и Кельзена близки концепции государства, провозглашенные апологетами теории товарищества Гирке и Вольцендорфом. Шмитт полагает, что в этих теориях «государство низводится до роли герольда, провозглашающего право», и поэтому, «оно не может быть более суверенным» [2, с. 42]. Эти рационалистические теории объединяет стремление к объективности, и, значит, «все личное должно исчезнуть из понятия государства» [2, с. 48]. Правопорядок есть объективная норма, а личный приказ, решение о применении нормы исключается из представлений о современном правовом государстве. Шмитт указывает на то, что «правовая идея не способна сама себя провести в жизнь» [2, с. 50]. Не правовая норма, аргументирует Шмитт, определяет точку вменения нормы, но лишь личная воля, которая делает решение независимым от нормы, а значит, абсолютным. «Для реальности правовой жизни важно то, кто решает» [2, с. 56]. Такая логика, по Шмитту, подтверждает правоту Гоббса, утверждавшего, как уже было упомянуто выше, примат авторитета над истиной, а не Локка, настаивавшего на том, что «the law gives authority».

Шмитт обрисовывает те идеологии, которые возникли как противостояние буржуазному либерализму: социалистический анархизм, представленный Прудоном и Бакуниным, и контрреволюционный католический консерватизм в лице Ж. де Местра, Бональда и Доносо Кортеса. К этой последней идейной традиции, определяя ее как децизионистскую, Шмитт относит и себя. Буржуазный либерализм, в котором Шмитт видит своего противника, последовательно стремится низвести до минимума роль личности – роль суверена.

Вслед за Д. Кортесом полемизируя с обезличиванием власти, с бегством от принятия решения в ведении бесконечных дискуссий, Шмитт говорит о суверене как о том, кто принимает решение о чрезвычайном положении, ситуации, отменяющей нормы действующего права. Право, по Шмитту, есть нечто, устанавливаемое государством, поэтому прерогатива суверена – решить, каков будет порядок в государстве, а затем придать ему правовые нормы, что, тем самым, приводит к появлению правопорядка. Далее, следуя своей логике, Шмитт указывает на то, что и нормы права на практике реализуются путем принятия конкретных решений о применении той или иной нормы к конкретному случаю. «Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле абсолютным» [2, с. 25].

Как анархизм, так и децизионизм в активной форме не приемлют идей буржуазного либерализма, хотя и по разным причинам: анархизм, будучи основан на убежденности в изначальной доброте человека, видит своей целью разрушение государства как авторитарной структуры, не дающей человеку пребывать в своей изначальной благости; а контрреволюционный консерватизм, идущий от убежденности в первоначальной греховности человека и в необходимости бороться с человеческими слабостями, считает единственно возможным выходом возвращение фигуры отца в обезличенное буржуазно-либеральное государство, погрязшее, по выражению Кортеса, в дискуссиях и отрицающее персональную ответственность за принятие решений. И если анархизм идет к «мнимому первобытному райскому состоянию» [2, с. 96], к упразднению всяких форм политической жизни, то децизионизм видит решение в установлении диктатуры. Только при этой форме правления решение абсолютно, как и суверенитет. И. Берлин в своем эссе о де Местре назвал его активный католический контрреволюционный консерватизм провозвестником фашизма [1]; Кортес, который был еще ближе Шмитту по духу, призывал к установлению диктатуры. Фашизм превзошел ожидания его провозвестников, став той формой правления, в которой государство отменило правовые нормы, оставив только свои решения.

К. Шмитт эксплицирует концепт «суверенитет» в концептуальном поле идеологии децизионизма. Децизионизм полагает необходимым возращение к персонализации государственной власти, опираясь при этом на центральный для данной идеологии концепт «решение» (Dezision). Нужно отметить, что Шмитт сознательно отходит от употребления более распространенного немецкого слова, обозначающего решение – Entscheidung, для того чтобы, используя Dezision (от лат. decidere – отрезать), создать новый термин «децизионизм», стремясь подчеркнуть особый характер того решения, о котором он ведет речь. У Шмитта, Dezision – это абсолютное решение, решение, которое создает норму. «При самостоятельном значении решения субъект решения имеет самостоятельное значение наряду с содержанием решения» [2, с. 56].

При этом концепт «суверенитет» занимает, наряду с концептом Dezision, одно из важнейших мест в концептуальном поле идеологии децизионизма. В «Политической теологии» концепт «суверенитет» служит призмой, сквозь которую проявляются другие концепты данной идеологии. Шмитт рассматривает суверенитет как право принятия решения об исключительном случае или чрезвычайном положении. «Решение об исключении есть именно решение в высшем смысле» [2, с. 15]. Суверенитет, в понимании Шмитта, это полномочие определять, когда приостанавливается действие установленного правопорядка, а значит, определять, в чем состоит правопорядок и безопасность государства. По Шмитту, и «правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [2, с. 21]. Субъект суверенитета принимает решение в том случае, когда «правопорядок не дает ответа на вопрос о компетенциях» [2, с. 23]. В случае объявления чрезвычайного положения право перестает существовать, а порядок продолжает. Таким образом, хаос не возникает. То есть, говорит Шмитт, когда право перестает действовать, власть продолжает существовать. Когда государство борется за свое самосохранение, оно может своим решением уничтожить правовую норму, поэтому решение становится абсолютным. «Суверен создает и гарантирует право как целое в его тотальности» [2, с. 26]. Так, Шмитт приходит к своей концептуализации суверенитета, который должен, по его представлению, определяться как «монополия решения» [2, с. 26], взамен традиционно принятому определению в качестве властной монополии или монополии на принуждение.

Шмитт видит проблему концептуализации суверенитета в необходимости учитывать сочетание правовой и фактической власти. Он указывает на то, что в правовом государстве концепт «суверенитет» пытаются исключить, так как он противоречит концепту «право» и требует определить субъекта суверенитета – суверена, что наталкивается на трудности в правовом государстве, стремящемся к объективизации права, к обобщению создающей суверенитет воли в общности народа и его единстве с государством. Правовое государство отрицает так понимаемый суверенитет, отрицает понятие чрезвычайного положения,

так как существует норма, которая регулирует все подобные ситуации. Шмитт же говорит о том, что любая норма подразумевает принятие решения о ее вменении, подразумевает некий приказ-решение, а также персонификацию этого решения. Как раз субъект, отдающий приказ, принимающий решение о вменении нормы, и есть суверен. В правовом государстве идея личной мощи государя (нем. Gewalt) заменяется на обезличенную идею духовной силы (нем. Macht). Господствует духовная сила, являющая себя в праве, а не человек. Шмитт выступает против того, чтобы государство стало бы только силой, декларирующей право. По Шмитту, государство не может быть только формой народной жизни. Государство не просто поддерживает созданную правовую форму, оно активно создает эту форму, оно как суверен, принимает решение о том, какой будет эта форма.

Децизионизм противостоит рационализму Просвещения и буржуазному либерализму, так как в них утрачен момент решения. Децизионизм же обращается к средневековой манере мышления, которую Шмитт называет «юридической». «Юридическое» мышление достигает своей кульминации в личном решении [2, с. 79]. Конституционный либерализм, главный противник децизионизма, бежит от решения. Буржуазия затягивает принятие решения, погружая любой вопрос в пучины дискуссий, «ее религия – это свобода слова и печати» [2, с. 93]. Децизионизм Шмитта констатирует, что в конституционном либерализме на смену легитимности монарха, которую он получал от бога, пришла демократическая легитимность. Эта всеобщая, народная легитимность не дает, по сути, никому права принятия решения. «Ненависть к монархии и аристократии тянет либерального буржуа влево; страх за свое имущество, которому угрожают радикальная демократия и социализм, тянет его снова вправо к могущественной королевской власти, войско которой способно его защитить; так он колеблется между обоими своими врагами и хотел бы обмануть обоих» [2, с. 91].

Королей, однако, в 1922 году больше нет, поэтому децизионизм видит решение в диктатуре – «противоположности дискуссии» [2, с. 94]. При политической диктатуре, в которой нет дискуссий, государство редуцировано до момента решения – «чистого, не рассуждающего, не дискутирующего, не оправдывающегося, <...>, из ничего созданного абсолютного решения» [2, с. 97]. В таком государстве умирает идея легитимности. Абсолютное решение не требует ни оправданий, ни освящения власти. При этом децизионистская диктатура не может быть диктатурой пролетариата, так как децизионистские идеологи – Шмитт, Кортес, де Местр – были глубоко верующими католиками и полагали атеистический социализм и другие антитеистические идеологии, такие, как анархизм, своими врагами. Здесь проявляется значимость концепта «политическая теология» для идеологии децизионизма. Децизионисты считали, что в анархизме Прудона и Бакунина исчезновение теологического означает исчезновение морального, а «с моральным исчезает и политическая идея, и любое моральное и политическое решение парализуется райской посюсторонностью непосредственной, естественной жизни и беспроблемной телесностью» [2, с. 96].

Таким образом, децизионизм выстраивает свое концептуальное поле в противостоянии с идеологиями-конкурентами: буржуазным либерализмом и анархическим социализмом. На протяжении всего текста «Политической теологии» Шмитт полемизирует с буржуазным либерализмом: с его основанием – рационализмом, противопоставляя ему иррационализм и католицизм; с его стремлением к нормативности, объективности и обезличенности власти, противопоставляя ему персональную власть, основанную на решении; с его идеей государства, основанной на обезличенной власти народа и на нормах права, превознося власть суверена и диктатуру. Очевидно, что в номенклатуре концептов идеологии децизионизма государству отводится ключевая роль. В отличие от либерализма, где государство является производным от концепта «правовая норма», в децизионизме государство производно от концепта «решение» (государственность как наличие в обществе суверена, решению которого подчиняется народ, почему-то признающий за сувереном право на такое решение). Носителем государственности в либерализме является народ; в децизионизме носителем суверенитета является суверен-диктатор, не нуждающийся в легитимации своей власти, основанной на абсолютном решении.

В либеральной идеологии «государство» мыслится как правовое государство, обеспечиваемое волей народа, который устанавливает нормы и следует им. В децизионистской идеологии «государство» есть конструкция, основанная на личной воле суверена, которой подчиняются и нормы, и люди. В либерализме народ реализует свою волю независимо от собственных качеств. В децизионизме суверен должен обладать неким абсолютным моральным качеством, дающим ему право на принятие решения. В либеральной модели народ не связан моральной ответственностью перед самим собой. В децизионизме наделение личности правом решения сразу же определяет ее моральную ответственность и его особую субъектность, автономность по сравнению с народом.

В либеральной модели суверенитет становится периферийным концептом, сам термин, репрезентирующий этот концепт, меняет значение. Применительно к правовым государствам суверенитет означает не то же самое, что применительно к абсолютным монархиям; происходит фиксируемое словарями семантическое изменение термина – смещение в значении, заметное, когда речь идет о суверенитете современных западных государств и, например, средневековых королевств.

Несмотря на свои разногласия с анархическим социализмом, децизионизм Шмитта признает его еще одним врагом буржуазного либерализма и его концептов: рационализма, правового государства, обезличенности власти и обобщенно-народного суверенитета. Децизионизм из идеологии крайне правого толка становится, как и анархизм, внесистемной идеологией, активно стремящейся к разрушению, а не к изменению существующего порядка. Левые и правые радикалы смыкаются в своем стремлении к новому порядку. Как мы знаем из истории, «новый порядок» наступил, что дало основание относить децизионизм к провозвестникам национал-социализма, а Карл Шмитт вошел в историю, как человек сомнительной репутации, но острого ума и ясных прозрений.

1. Берлин, И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // Философия свободы. Европа. М.: НЛО, 2001. С. 206–299.

2. Шмитт, К. Политическая теология. Сборник; пер. с нем. Заключит. статья и сост. А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.

3. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 256 с.

4. Freeden, M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996. 592 p.

5. Graf von Krockow Ch. Die Entscheidung: Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger. Frankfurt, New York, 1990. 164 S.

6. Schmitt, C. Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. München: Duncker & Humblot, 1922.

References

1. Berlin, I. (2001) Zhozef de Mestr i istoki fashizma [Joseph de Maistre and the origins of fascism] // Filosofiya svobody. Yevropa. M.: NLO, 206–299.

2. Shmitt, K. (2000) Politicheskaya teologiya. Sbornik [Political Theology. Collection]; per. s nem. Zaklyuchit. stat'ya i sost. A. Filippova. M.: «KANON-press-TS», 336.

3. Shchur, G.S. (1974) Teorii polya v lingvistike [Field theory in linguistics]. M., 256.

4. Freeden, M. (1996) Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 592.

5. Graf von Krockow Ch. (1990) Die Entscheidung: Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger. Frankfurt, New York, 164.

6. Schmitt, C. (1922) Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. München: Duncker & Humblot.

UDC 321.011

DECISION VERSUS LAW: SOVEREIGNTY BY CARL SCHMITT

Guzikova Mariya Olegovna,
First President of Russia Boris Yeltsin Ural Federal University,
The Institute of Social and Political Sciences,
Head of the Department
Chair of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages,
Associate Professor
of the Department Chair
of Foreign Area Studies,
Director of the Confucius Institute,
Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

Annotation
The article considers the genealogy of the sovereignty concept in «Political Theology» by Carl Schmitt in the framework of the history of ideas and analyzes the conceptualizations of the term sovereignty in the ideology of decisionism. The latter analysis follows the methodology proposed by Michael Freeden for the study of political ideology.

Key concepts:
sovereignty,
concept,
Carl Schmitt,
decisionism,
genealogy of ideas,
conceptualization.